

ЗАКОНОМЕРНОСТИ НОМИНАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ИМЕН

Нурлан Жакипович МЫНБАЕВ

Доктор филологических наук, профессор
Южно-Казахстанский государственный университет
Шымкент, Казахстан

ЭТНИК НОМЛАР НОМИНАЦИЯСИ ҚОНУНЧИЛИГИ

Нурлан Жакипович МИНБАЕВ

Филология фанлари доктори, профессор
Жанубий Қозоғистон давлат университети
Чимкент, Қозоғистон

LAWS IN THE NOMINATION OF ETHNIC PERSONAL NAMES

Nurlan Zhakipovich MYNBAYEV

Doctor of Philological Sciences, Professor
South Kazakhstan State University
Shymkent, Kazakhstan annurtas@mail.ru

UDC (УЎК, УДК): 81'373.23:811.511.2

For citation (иқтибос келтириш учун, для цитирования): Мынбаев Н.Ж.
Закономерности номинации этнических имен
//Иностранные языки в Узбекистане. —
2020. — № 5 (34). — С. 36-56

<https://doi.org/10.36078/1610697524>

Received: December 12, 2020

Accepted: February 17, 2020

Published: December 20, 2020

Copyright © 2020 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация. Процесс формирования и функционирования этнических имен в статье рассматривается с целью установить закономерности их номинации. В свое время Ф. Энгельсом было высказано мнение об отсутствии каких-либо правил номинации этнонимов. В связи с диктатом идеологии и догматическим восприятием высказываний деятелей марксизма, такая точка зрения стала доминирующей. Кроме того, в эпоху торжества идей коммунизма, исследование этнонимов стало рассматриваться как интерес к пережиткам прошлого, что тормозило развитие ономастики, в частности этнонимии и этимологии этнонимов. Тем не менее, еще в тридцатые годы прошлого столетия была обозначена, затем позже сформулирована закономерность типологической универсалии в этнонимике. Критическое изучение проблемы позволило детально описать эту основную закономерность номинации и выявить две ее существенные особенности, такие как позитивность и негативность семантики этнонимов, которые сами по себе уже являются закономерностями номинации этнонимов. В дальнейшем на основании последних достижений науки был установлен еще ряд закономерностей номинации этнонимов. Объектом исследования явились в основном тюркские этнонимы. Материал рассмотрен в синхронии, диахронии, а также в пантопохронии. Стратегия изучения строилась на констатации концептообразующих выводов, которые формулируются в качестве закономерностей номинации этнонимов: 1) этноним — факт языка и единица целостной этнонимической системы; 2) этнонимобразование подчиняется словообразовательным моделям того или иного языка. В процессе историко-лингвистического анализа этнонимов был выстроен алгоритм выявления этноморфем, выражающих универсальную семантику этнических имен. Параллельное рассмотрение этнической и этнонимической

системы в пантопохронии, а также скрупулезное изучение проблем типологической универсалии в этнонимике дало положительные результаты, подтвержденные в процессе интегрированного исследования лингвистического и экстралингвистического содержания этнических имен.

Ключевые слова: этнонимика; пантопохрония; этимология; ономастика; типологическая универсалия; экстралингвистика; позитивность; негативность; рядность; биноминация.

Аннотация. Мақолада этник номларни шакллантириш ва уларнинг фаолият юритиш жараёни номинация қонунларини жорий қилиш мақсадида кўриб чиқилади. Бу борада Ф. Энгелс этноним номинацияси бўйича ҳеч қандай қоидалар йўқлиги ҳақида фикр билдирган эди. Мафкура диктатураси ва марксизм арбобларининг сўзларини догматик қабул қилиш билан боғлиқ ҳолда, бу нуқтаи назар доминант бўлиб қолди. Бундан ташқари, коммунизм ғоялари ғалабаси даврида этнонимларни ўрганиш ўтмиш қолдиқларига қизиқиш сифатида қаралди, бу ономастиканинг ривожланишига, хусусан, этнонимикага ва этнонимларнинг этимологияси тараққиётига тўсқинлик қилди. Шунга қарамай, ўтган асрнинг ўттизинчи йилларида ҳам, кейинчалик этнонимикада типологик универсалликнинг мунтазамлиги аниқланди. Муаммони танқидий ўрганиш ушбу номинациянинг асосий қонунчилигини батафсил баён этишга имкон берди ва этнонимлар семантикасининг ижобийлиги ва салбийлиги каби иккита муҳим хусусиятни аниқлади, бу ўз-ўзидан этнонимлар номинацияси қонунчилиги сифатида шакллана борди. Кейинчалик илм-фаннинг сўнгги ютуқлари асосида этноним номинацияси бўйича яна бир қатор қонунлар жорий қилинди. Тадқиқот объекти сифатида асосан туркий этнонимлар олинди. Материаллар синхроник, диахроник, шунингдек, пантопохроник асосида кўриб чиқилади. Тадқиқот стратегияси этнонимларнинг номинацияси қонунчилиги сифатида шакллантирилган концептуал хулосалар баёнотларига асосланган: 1) этноним — тилнинг ҳақиқати ва яхлит этнонимик тизимнинг бирлиги; 2) этнонимик таълим маълум бир тилнинг сўз қурилиш моделларига бўйсунди. Этнонимларнинг тарихий-лингвистик таҳлили жараёнида этник номларнинг универсал семантикасини ифодаловчи этноморфемаларни аниқлаш учун алгоритм яратилди. Пантопохронияда этник ва этник тизимни параллел равишда ўрганиш, шунингдек, этнонимикада типологик универсаллик муаммоларини чуқур тадқиқ этиш этник номларнинг лингвистик ва экстралингвистик мазмунини интеграциялашган тарзда ўрганиш жараёнида тасдиқланган ижобий натижалар берди.

Калит сўзлар: этнонимик; пантопохрония; этимология; ономастика; типологик универсаллик; экстралингвистика; позитивлик; негативлик; сатр; биноминация.

Abstract. The article examines the processes of formation and functioning of ethnic names with the purpose of establishing the laws of nomination. F. Engels expressed the opinion about the absence of any laws of nomination of ethnonyms at the time. Due to the dictatorship of ideology and dogmatic reception of Marxist ideas this viewpoint became dominant. Moreover, during the dominance of Communist ideas the study of ethnonyms was seen as an interest in the relics of the past. The fact hindered the development of onomastics, in particular, the fields of ethnonymy and etymology of ethnic names. However, in the 1930s the rules of typological universals in ethnonymy had been specified and formulated. A critical study of the

issue made it possible to describe in detail the basic laws of nomination and revealed its two essential features such as positivity and negativity of the semantics of ethnonyms which in themselves were considered as the principal rules of the nomination of ethnonyms. On the basis of the latest achievements of science more regularities in the nomination of ethnonyms were established later.

The subject of our research is mainly Turkic ethnonyms. The data was studied from both synchronic and diachronic perspectives, as well as from pantopochrony. The research strategy was based on the statement of conceptual conclusions, which we formulate as patterns of the ethnonym nomination: 1) ethnonym is a fact of language and a unit of the overall ethnonymic system; 2) the formation of ethnonyms is regulated by word formation models of a particular language. In the process of historical linguistic analysis of ethnonyms the algorithm for identifying ethnomorphemes expressing the universal semantics of ethnic names was created. Parallel consideration of ethnic and ethnonymic systems in pantopochrony and the detailed study of the issues of typological universals in ethnonymy have yielded positive results. These results have been also achieved in the process of integrated study of linguistic and extralinguistic contents of ethnic names.

Keywords: ethnonymics; pantopochrony; etymology; onomastics; typological universal; extralinguistics; positivity; negativity; rank; binomination.

I. Имена собственные привлекли внимание ученых еще в глубокой древности, они стали объектом рассмотрения и в средние века. Однако только в двадцатом столетии наблюдается интенсивное развитие общей и частной ономастики. В этот период сложились методы и методология научных исследований, тогда и была сформирована терминология. Российские ученые В.А. Никонов, А.В. Суперанская, О.Т. Молчанова и др. внесли значительный вклад в развитие общей ономастики, в частности, и тюркской ономастики. Несмотря на это, в этой отрасли знаний имеются еще нерешенные теоретические и практические вопросы. Так, в этнонимике не были установлены закономерности номинации, не определена методика этимологического анализа этнонимов, что стало основным препятствием на пути решения проблем научной этимологии этнических имен.

Как известно, этнонимы возникают в родовой период истории человечества. Смутные сведения о носителях этих имен разбросаны в различных древних источниках или их вовсе нет. Поэтому ученые в свое время не были уверены в возможности успешных научных поисков в данном направлении. Так, еще в XIX веке Д. Иловайский писал: «Вообще в средневековой истории народов мы видим постоянную смену имен и избивчивое их употребление в источниках: это явление сильно отразилось также в истории Руссов, Болгар, Хазар, но историография по большей части упускала его из виду и, встречая новые народные имена, обыкновенно разумела под нимиф и новые народы» (10, 48). Почти через сто лет Р.Г. Кузеев скептически заявляет: «В литературе существует более двух десятков попыток толкования этнонима Башкурт, учитывая это, приходится признать справедливость положения о том, что абсолютная и окончательная этимология любого слова принципиально недостижима, особенно

этнонима с чрезвычайно сложной историей происхождения. Тем не менее создание ряда относительных этимологий или хотя бы установление языковой среды, в которой возник этноним, имеет положительное значение в изучении этногенетических проблем» (14, 86). Н.А. Баскаков без оптимизма признает: «Этимология тюркских этнонимов — одна из сложных задач тюркологии» (4, 16–21).

Таким образом, научное решение проблемы этимологии этнонимов представлялось невозможным, что приводило ученых к ошибочным умозаключениям. К примеру, С. Д. Асфендияров писал: «Вопрос о происхождении слова «казах» и о происхождении казахского народа должен разрешаться не путем отвлеченных лингвистических толкований, а путем конкретного исторического анализа» (2, 71). М. Тынышбаев был более категоричен: «Искать значение слова “казах” также бесполезно, как и попытка найти значение слов русский, араб, француз, англичанин и т.д.» (25, 146).

В настоящее время в лингвистике и других гуманитарных науках есть достижения, которые могут способствовать решению проблемы этимологии этнонимов. Для этого требовалось выявить закономерности номинации этнических имен и рассмотреть вопрос с новых позиций, в этом случае можно было обозначить реальные пути научной этимологии этнонимов.

Установление закономерностей номинации этнических имен представляло сложность не только в связи с недостаточным развитием отдельных областей знаний, но и диктатом идеологии. В эпоху торжества идей марксизма догматическое восприятие высказываний лидеров учения стало нормой, поэтому точка зрения об отсутствии закономерностей номинации стала господствующей. Такая ситуация возникла в связи с мнением Ф. Энгельса: «Названия племен, по-видимому, большей частью возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само, подобно тому, как немцам их первое историческое общее наименование «германцы» было дано кельтами» (16, 193). Эта точка зрения подводит А.И. Попова к глубоко ошибочной мысли: «Этническое название является лишь побочным, в большей мере именно случайным продуктом исторического процесса, поэтому можно прямо утверждать, что любая попытка создать какое-то подобие непреложных законов этнонимии должно неизбежно окончиться неудачей; способы образования этнических имен слишком диалектичны и многообразны, их нельзя уложить в твердую схему, сколько-нибудь определенную» (23, 76).

Такой подход исключал объективные закономерности развития языка и способы номинации этнонимов, что противоречило основным постулатам лингвистики: этноним – факт языка и единица целостной этнонимической системы, а этнонимообразование подчиняется установившимся закономерностям словообразования конкретного языка. В.А. Никонов, придерживаясь этих основных языковых заповедей, справедливо приходит к объективному выводу:

«игнорируя словообразовательные и грамматические форманты, бессмысленно касаться этнонимов» (21, 68). Исследуя словообразовательные форманты топонимов, ученый открыл закономерность рядности в топонимии. По его мнению, повторение типичных языковых формантов в структуре топонимов есть рядность. В качестве примеров, ученый приводит названия деревень в Поволжье *Волчиха, Лысиха, Бобриха, Козлиха, Кобелиха*; названия сел в Хвалынске *Берзовый Гай, Вязовый Гай, Липовый Гай* (20, 33–36).

Изучение морфемной структуры тюркских этнических имен показывает несомненную обоснованность заключений В.А. Никонова. В составе этнонимов *Дулат, Конырат, Алтауыт, Мангыт* наблюдается формант множественности *-т*; в морфемной структуре этнических имен *Икирас, Сулдуз, Тилес, Бегис, Арыс, Нукус* также выделяется формант множественности *-с//з*. В результате наблюдаем типичные этнониμοобразующие форманты, которые свидетельствуют о наличии закономерности рядности и в этнонимии.

Далее в составе ряда этнических имен нам удалось определить типичные этнониμοобразующие корневые морфемы, которые являются носителями материального языкового содержания типологически универсальной семантики этнических имен. И этот факт также подтверждает наличие закономерности рядности в этнонимии. Следовательно, рядность как закономерность номинации, имеет место не только в топонимии, но и в этнонимии. Необходимо особо подчеркнуть значимость открытия закономерности рядности. Незнание этой закономерности подводило исследователей вопроса происхождения и семантики имен к заблуждениям. Они рассматривали этимологию отдельного топонима, этнонима, любого другого имени в изоляции от ряда, т.е. в отрыве от системы, поэтому их аргументация той или иной гипотезы происхождения вследствие отсутствия целостности рассмотрения проблемы тут же рассыпалась при критическом анализе.

Значимость явления закономерности рядности в этнонимии проявляется еще и в том, что она способствовала определению другой очень важной закономерности номинации – типологической универсалии в этнонимии. К примеру, в тридцатые годы XX столетия, Н.Я. Марр впервые обозначил типологическую универсалию в этнонимии. Он пришел к заключению, что племенные названия как таковые, и простые, и составные, являлись непосредственно словами, означавшими понятие «человек», первоначально естественно лишь «данного человека» (человека данного племени). Вывод ученого был основан на его наблюдении ряда имен собственных с этническим корневым формантом *-ен* в значении «человек» (17, 188).

Следовательно, была обозначена типологическая универсалия в этнонимии, которая предполагала позитивную семантику этнонимов «человек», «люди», однако наблюдение ученого требовало детального рассмотрения и усиления доказательной базы высказанного мнения. Поэтому необходимо было выявить языковые

факты, выражающие универсальную семантику «человек», «люди». Логически, если есть семантика имен, то должны быть языковые факты несущие эту семантику. Результаты поисков обнадеживали. Был выявлен целый ряд этнонимов, теонимов, титульных имен из разносистемных языков, в составе которых выделялась корневая морфема **-ен** в фонетических вариантах **-эн//-ин//-ан//-ян** с типологически универсальной семантикой «человек», «люди» (18, 129–136).

Интерес представляет и исследование М. Маковского. Он выделяет словоформу **ен** (фонетический вариант **ан**) как названия божеств в индоевропейских языках. Ученый пишет: «... ан «предок» (нем. *Ahn* «предок») восходит к гот. *An* «шест» (символ целостности космоса, олицетворение связи посюстороннего и потустороннего), а также символ божества: ср. в готском *anses* «божество» (15, 55). Мнение ученого служит доказательством мысли, что типологически универсальная семантика этнонимов «человек», «люди» расширяет свое значение и дополняется значением «бог», «божество». Логика развития семантики закономерна, так как человек древности представлял бога в собственном обличии. Поэтому выявленная нами этноморфема¹ **-ен** (фонетические варианты **-эн//-ин//-ан//-ян**) в структуре этнонимов обладает семантикой «человек», «люди» и со временем, в процессе развития языка, находит свое место и в структуре теонимов. В этом случае универсальная семантика этноморфемы дополняется значениями: «высший человек», «храбрец», «воин», «богатырь», «силач», «герой», «бог», «божество».

В Юго-Восточной Азии Я.В. Чеснов отмечает древнейший пласт этнонимов **мон, ман, манн** и считает, что этноморфема **-ен** обладает значением «свой», «люди», «человек» (28, 46-48).

Приведенные высказывания ученых и наши наблюдения подводят к выводу, что этноморфема **-ен//-эн//-ин//-ан//-ян** обладает типологически универсальной семантикой «человек», «люди». Фактический материал также убеждает в верности этого мнения. К примеру, в структуре тюркских этнонимов *Дурбен (Дурмен), Хонхотан, Уйсин, Канлы (Кангха, Кангюй), Коньрат, Найман, Албан, Суан, Аргын, Табын, Рамадан, Алиын, Барин, Нукуз, Енкес (Енқас) Киян (Кият), Хун, Сяньби, Дунху, Ухуань, Дунган, Салон, Шинто, Динь-Линь, Алан, Жужань, Кайдынь, Урянхай, Нутакин, Нирун, Кан* выделяется корневая морфема **-ен** в фонетических вариантах: **-эн//-ин//-ан//-ян**. Этот ряд этнонимов также подсказывает типологически универсальное значение «человек», «люди». Исключительно важным составляющим в ряду перечисленных примеров является этноним *Хун* (*қ+ен*). В современном монгольском языке этноним уже в качестве нарицательного слова сохранил свое исконное архаическое значение «человек» [Орос-монгол толь, 1982: 798].

¹Термин, предложенный автором, в значении морфемы, применяемой в процессе этнонимобразования.

Данные факты, на наш взгляд, наглядно демонстрируют обоснованность приведенных построений. Явным подтверждением тому может служить иналичие в современном казахском языке архаического слова **ен** в значении, «мужская (отцовская) железа» (33, 354), а также монгольского *эзэн* «хозяин» [Орос-монгол толь, 1982: 787]. Как известно, монгольский язык относится к алтайской семье языков. Смысловая связь примеров обосновывается этнографическими данными двух народов. Б.Я. Владимирцов, описывая народные традиции монголов, свидетельствует: «... наследие отца доставалось младшему сыну, который величался *odcigin-odjiqin* «князь огня» или *ejen* «владыка, хозяин» (7, 49). Аналогичная традиция имеет место и в среде казахского народа, в казахском языке сохранилось выражение: *ениші иесі кенже* «отцовское наследие принадлежит младшему сыну». Приоритет мужского начала в условиях патриархального родового строя служил основным стимулом логической связи типологически универсальной семантики «человек» со значениями «сын», «муж», «мужчина», «хозяин», «хозяин огня», «бог», «божество». Данный фактор способствовал расширению семантики этноморфемы **-ен** в фонетических вариантах **-эн//ин//ан//ян**. Думается, достоверность нашей версии усилится и результатами рассмотрения 220 этнонимов, 107 теонимов, 29 титульных терминов разносистемного происхождения, в структуре которых наблюдается корневая морфема **-ен** в фонетических вариантах **-эн//ин//ан//ян**. Эта морфема в структуре всех рассмотренных онимов несет универсальное значение «человек», «высший человек», «люди», «бог» (19, 121-128).

Таким образом, расширение семантики этноморфемы **-ен** в фонетических вариантах **-эн//ин//ан//ян** имеет этнографическую основу и проявляется в логической связи типологически универсальной семантики «человек» со значениями «сын», «муж», «мужчина», «хозяин», «хозяин огня», «бог», «божество». Кроме того, выявлены и другие этнонимобразующие морфемы, которые зачастую носили общезыковой характер. В итоге, проблема языкового материального выражения типологически универсальной семантики этнонимов находила свое решение.

В указанной выше работе рассмотрена вторая группа онимов: 67 этнонимов, 54 этнопонима, 30 топонимов, 7 теонимов – и была выделена другая этноморфема **-аз//ас**. В структуре имен и эта этноморфема несет типологически универсальную семантику: «человек», «люди», «высший человек», «бог».

В процессе изучения различных источников первоначально мы определили этнический термин *аз//ас*, который обладал типологически универсальной семантикой «человек», «люди». В древнетюркском словаре находим этноним *Az* (29, 72). В других исторических источниках неоднократно зафиксирован этнический термин *Az*. В письменном памятнике Куль-тегина и Тоньюкука термин упоминается девять раз. Представляется важным выражение: «[и] нашел мужа [воина] из степных аз» [Радлов, Мелиоранский,

2001, 153]». Выражение говорит о многом, в первую очередь о том, что этноним обладает типологически универсальным значением «человек». Как видим, каждый представитель азского племени был мужем-воином, как положено было быть в среде воинственных народов степи. Исключительная значимость приведенного выше отрывка в том, что здесь явно просматривается исследуемое нами явление, т.е. закономерность типологической универсалии в этнонимии, когда этноним однозначно обладает позитивной семантикой «человек». Типологически универсальная позитивная семантика этнического имени *Аз* «человек», в процессе языковых контактов расширяет свое значение: возникает синонимический ряд: «герой», «храбрец», «воин» «муж» и т.п. С развитием языка наблюдаем трансформацию этнического термина *Аз//Ас* в этноморфему **-аз//ас** в структуре этнических имен *Қаз* ($қ+аз$), *Таз* ($т+аз$). Все изложенное свидетельствует о научной обоснованности наших построений.

Выше мы определили ряд этнонимов с этноморфемами **-ен, -аз//ас** в позитивном значении «человек». В составе этнических имен: *Хун* ($қ+ен$), *Енкес* ($ен+қ+ас$), *Асен* ($ас+ен$), *Динь-Линь* ($т+ен+л+ен$), *Найман* ($ен+м+ен$), *Қасен* ($қ+ас+ен$), *Айны* ($ай+ен$) наблюдаем корневые морфемы в значении «человек». Достижения фоносемантики позволяют нам предложить вариант выявления этноморфем **-ен, -аз//ас** и возможности фонеморфологического разложения основ древних этнонимов, расслоение которых не представлялось возможным (8, 1982).

Еще одним приоритетом для обоснования нашей версии фонеморфологического разложения древних основ является историческая особенность тюркского словообразования. Известно, что тюркское словообразование агглютинативное. Однако в структуре древних этнических имен наблюдались факты, противоречащие агглютинации. Поэтому Н.А. Баскаков пишет: «Вместе с тем структура тюркского слова позволяет гипотетически представить древний доагглютинативный строй тюркских языков как строй изолирующий, в котором абстрактные грамматические значения были образованы из знаменательных основ, которые, находясь в постпозиции по отношению к определяющей их основе, постепенно преобразовались сначала в элементы аналитической, а затем и в аффикс синтетической формы» (4, 93).

Таким образом, согласно точке зрения Н.А. Баскакова, тюркскому словообразованию в древности были присущи и синтетические формы. Эта научная версия предполагает возможность фонеморфологического разложения древних основ, и в отличие от закона агглютинации выявить фонеморфемы перед корнем древних этнических имен и тем самым прийти к доказуемой этимологии. Фоносемантические сведения С.В.Воронина и умозаключения Н.А.Баскакова дают возможность разложить этнические имена *Қаз* ($қ+аз$), *Таз* ($т+аз$), *Қен//Хун* ($қ+ен$), *Қай* ($қ+ай$), *Тай* ($т+ай$), выделить типологически универсальные корневые этноморфемы **-аз, -ен** и

определить фономорфемы **к-**, **т-** перед корнем слова. Эти фономорфемы способствовали созданию дополнительной семантики имен: «твердость», «крепость», «защита», «сила», «мощь» (19, 105-114).

Наряду с этноморфемами **-аз**, **-ен** нами выявлена другая этноморфема **---ай**, которая также несет позитивную семантику «человек», «люди». В энциклопедическом издании (30, 16) в статье о происхождении армян упоминается самоназвание *ай//хай*, которое, якобы, появилось от имени мифического предка *Айк*. Необходимо уточнить: предпочтительнее форма *ай* нежели *хай*, так как сами армяне произносят это слово с фарингальным, почти неслышимым, звуком *h* [хай].

Таким образом, **ай** – этнический термин, носитель универсальной семантики «человек», «люди», данный этнический термин наблюдается в качестве этноморфемы общезыкового характера. Так, этноморфема **-ай** широко представлена в структуре этнических имениз разносистемных языков. Например: *Айны*, *Аймары*, *Айова*, *Айсоры*, *Майду*, *Майоруна*, *Майо ийореме*, *Таи* (тайские народы), *Таймени//тайманы*, *Таи* – самоназвание «человек», *Таи* горные, *Таити*, *Таитяне маохи*, *Тай (бутай, дай)*, *Бай*, *байцзы или байни* и др.

В числе этнонимов, возникших посредством этноморфемы **-ай**, следует отметить и тюркское этническое имя *Қай*. Как известно, это крупное племенное объединение сыграло ведущую роль в истории тюркских народов, и в настоящее время этноним *Қай* сохранился в этническом именнике туркменского народа. В энциклопедическом издании «Народы мира» мы определили 21 этническое имя, в структуре которых наблюдается этнический термин **-ай** с универсальной семантикой «человек».

Таким образом, думается, нашла свое решение одна из первостепенных задач – проблема языкового материального выражения типологически универсальной семантики этнонимов «человек», «люди». В процессе рассмотрения структуры ряда этнонимов удалось выявить этноморфемы **-ен** **-аз**, **-ай**, которые выступают в качестве материального языкового выражения универсальной семантики «человек», «люди». Данные фоносемантики (Воронин) и доагглютинативный способ словообразования в тюркских языках (Баскаков) позволили выстроить новый алгоритм фономорфологического разложения древних этнических имен выявить этноморфемы **-ен** **-аз**, **-ай** и предложить обоснованный вариант научной этимологизации этнонимов-самонаименований с утерянной историей происхождения и затемненной семантикой. В случаях, когда в составе этнических имен наблюдаются этноморфемы **-ен** **-аз**, **-ай**, можно с наибольшей вероятностью утверждать, что эти этнонимы обладают типологически универсальной позитивной семантикой «человек», «люди».

II. В данном разделе попытаемся проанализировать влияние этнического самосознания на процесс номинации этнонимов. Закономерность типологической универсалии в этнонимии первым обозначил Н.Я. Марр. М.В. Крюков сформулировал ее как закономерность номинации: «И, тем не менее, она (типологическая универсалия в самоназваниях народов. – Н.М.) должна быть признана бесспорно универсальной в том смысле, что этнические самоназвания такого типа характерны для многих народов, совершенно различных по своему происхождению. Не совпадая по своей лексической форме, такие самоназвания имеют в своей основе слова, семантически относящиеся к одному и тому же классу – «люди» или «настоящие люди» (13, 7). Из цитаты следует, что была установлена типологически универсальная семантика этнонимов «человек», «люди». Однако только в настоящее время мы выстроили алгоритм выявления материального языкового выражения этой универсальной семантики в первой части статьи.

Известные этнографы Д.Е. Еремеев, (9, 133), Г. Г. Стратанович (24, 54), Я.В. Чеснов (28, 48) отмечали универсальность семантики этнических имен в разнотипных языках. М.В. Крюков предложил решение проблемы исторической типологии этнических самоназваний в связи с «этническим самосознанием» (13, 12). По определению ученого, этническое самосознание в древности диктовало появление понятия, которое обладало универсальной семантикой «я» – «человек», «мы» – «люди». Ю.В. Бромлей о сложности структуры этнического самосознания писал: «Частично оно представляет собой отражение объективных особенностей этноса, но кроме того включает также компоненты, которые существуют лишь на субъективном уровне» (5, 103). Он считает, что этническое самосознание есть осознание членами этноса своего единства и отличия от членов других подобных общностей.

В связи с вышеприведенными мнениями ученых здесь необходимо обратить внимание на особенность этнического самосознания тюркских народов. В данном случае мы наблюдаем тесную связь самосознания индивида, члена этнической группы, с этническим самосознанием всего сообщества. Причиной и следствием этого процесса является понимание единства первопродка, отсюда понимание кровнородственной близости в любом этническом сообществе тюрков, т.е. осознание неразрывного единства всех членов этнической группы и далее всего этнического сообщества. Рост и развитие любой этнической группы, сообщества отражено в родословных тюрков, а также в иерархической структуре тюркской этнической системы, которая наглядно демонстрирует связь отдельного члена этнической группы с единокровными родственниками всего сообщества.

Таким образом, иерархическое строение тюркской этнической системы также демонстрирует рост и развитие этнического самосознания по восходящей линии. Этот процесс представляется в таком виде: от самосознания личного «я» > к семейно-

клановому«мы» > к родовому > к племенному > к самосознанию племенного объединения > сообщества-орды >к общенародному самосознанию. Следовательно, осознание общности происхождения по цепочке формировало самосознание, отражающее иерархическое строение этнической общности. В результате, такое этническое самосознание сформировало типологически универсальную семантику этнических имен «человек»> «люди». Однако необходимо иметь в виду, что подобное явление на заре развития человечества могло иметь место и в среде многих других народов мира, если в этих случаях мы наблюдаем развитую иерархическую структуру от первопредка до народа.

Таким образом, тюркская этническая система представляет собой иерархическую структуру, по которой можно судить о развитии этнического объединения. В тюркском мире этническая структура от первопредка до народа определила наличие не только особого этнического самосознания, но и своеобразной идентичности народа (19, 29-35).

Следует заключить, что изучение этнических процессов, выявление закономерностей номинации этнических имен подводит к определению их этимологии и семантики, что исключительно важно не только в этнографическом, лингвистическом, историческом, культурологическом, но и в философском плане, так как познания в этой области способствуют выявлению и определению параметров идентичности народа.

По заключению М.В. Крюкова, любое этническое имя обладает типологически универсальным значением «человек», «люди». Это мнение ученый выстраивает на основе рассмотрения ряда «самоназваний» этнических сообществ мира. Им рассмотрен значительный материал, представленный в разносистемных языках, и выведена закономерность типологической универсалии в этнонимии. Примеры, приведенные исследователем, представляют только класс «самоназваний». Мы же пытаемся рассмотреть особенности возникновения самонаименований и инонаименований в качестве противоположных, но взаимодополняющих форм выражения типологической универсалии в этнонимии. По нашим наблюдениям, самосознание единства этнической общности рождает самонаименования, обладающие универсальной позитивной семантикой «человек», «люди». Это своего рода семантический штамп самонаименований с позитивной семантикой. В процессе восприятия противоположного объекта как враждебного появляется контрверза: «мы > они». Возникновение контрверзы связано с противопоставлением себя и сородичей инородному сообществу. В итоге противопоставления возникает семантический антиштамп инонаименований с негативной семантикой «чужой», «дикарь», «не человек», «варвар». М.В. Крюков отмечает явление противопоставления в этническом сознании этносов древности, но языковое выражение, т.е. конкретно языковое происхождение того или иного инонаименования, автор упускает из виду. Он анализирует

древние источники, по ним судит о времени и специфике возникновения понятия «варвар»: «Хотя само по себе понятие «варвар» эволюционировало как в Греции, так и в Китае, для него в целом было характерно приписывание всем людям, не относящимся к «нашей» этнической общности, определенных врожденных негативных свойств». Исследователь приводит мнение Еврипида о том, что варвары – неполноценные люди, и далее ссылается на Цзо Чжуня и историка I века н.э. Бань Гу, придерживавшихся того же мнения (13, 10) Как видим, еще с древности даже в сознании ученых доминировало ложное мнение о превосходстве своего окружения и о недоразвитости других племен. Поэтому нас не удивляет то, что признанный «первым учителем» Аристотель, рассматривая инородцев в качестве варваров, вырабатывает, по сути, нацистскую теорию естественного рабства.

М.В. Крюков анализирует появление понятия «варвар», но языковое выражение понятия, т.е. инонаименование, не упоминает. Сложилось мнение, что понятие «варвар» возникло в рабовладельческий период. Однако ученый сомневается в появлении контрверзы «мы – они» именно в рабовладельческий период: «... самоназвание типа люди, настоящие люди встречается, как мы видим, так же у нганасан, чукчей, эскимосов, стоящих, несомненно, на гораздо более низкой стадии социально-экономических отношений» (13, 21). Из высказывания следует, что контрверза «мы – они» возникает на начальном этапе развития человеческих сообществ. Однако реальность показывает, что явление не зависит от уровня социально-экономических отношений в общественных институтах. Такое заключение подтверждается тем, что описываемое явление наблюдается и в современном мире, которое сейчас принято обозначать термином «ксенофобия». Противопоставление «себя» и «своих» другому враждебному сообществу в современной культурологии ученые обозначили термином культурная дуальность «чужое – свое» (11, 120–125). И. Нойманн считает, что «тема «другого» и особенно того, что составляет инаковость «другого», была центральной для всех философов двадцатого века (22, 28).

Специфика нашего исследования диктует необходимость акцентирования внимания на языковые материальные выражения данного явления, т.е. противоположных понятий: «человек» – «варвар». В этнонимии противопоставление себя и своих инородному сообществу находит выражение в самонаименованиях и инонаименованиях. Этническое сознание, возникшее из самосознания индивида и группы сородичей «я – человек», далее сообщества «мы – люди», лингвистически находит свое выражение в самонаименованиях с позитивным значением. Противопоставление «себя» и «своих» другому враждебному сообществу находит свое экстралингвистическое выражение в инонаименованиях с негативной семантикой.

Следовательно, самонаименования в силу закономерности типологической универсалии в этнонимии обладают позитивной

семантикой «человек» – «настоящий человек», «люди» – «настоящие люди». В противовес этому процессу инонаименования обладают негативной семантикой «чужой», «дикарь», «варвар». По нашему убеждению, явление такого порядка возникает под воздействием философского закона единства и борьбы противоположностей, который гласит: «... источником всякого развития природы, общества, мышления человека, а также причиной самодвижения и саморазвития являются внутренние диалектические противоречия» (12, 171).

Под влиянием действия одного из основных приемов философского познания внешнего мира в сравнении с противоположным объектом человек формирует свое этническое сознание в форме двух противоположностей: контроверзы «я – человек», а «ты – дикарь», далее «мы – люди», а «вы – варвары». Позитивное самосознание индивида и этнического сообщества диктовало негативное восприятие инородного сообщества. В итоге, психосознательное ощущение индивида и этнического сообщества я – «человек», мы – «люди» рождает самонаименование с позитивной семантикой, а в процессе негативного восприятия инородного сообщества возникает инонаименование с негативной семантикой: «чужой», «дикарь», «враг», «недруг», «варвар».

В ономастике появление контроверзы: я – «человек», а ты – «варвар» обозначали разными терминами. А.В. Суперанская отметила это психосознательное явление при возникновении этнических имен и предложила термины автоэтноним и аллоэтноним (25, 68). Исследователи Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев вместо термина аллоэтноним предлагают термин экзоэтноним (6, 16). М.В. Крюков употребляет термин самоназвание. На наш взгляд, термины самонаименование и инонаименование более точны, доступны и взаимно дополняют друг друга, поэтому отдаем предпочтение указанным терминам.

Таким образом, исследование явления контроверзы: я – «человек», а ты – «варвар» подводит нас к выводу, что типологическая универсалия в этнонимии народов мира имеет две противоположные формы выражения: в качестве самонаименований с позитивной семантикой и в качестве инонаименований с негативной семантикой. По сути эти две противоположные формы выражения семантики этнонимов типологически универсальны в этнонимии народов мира, однако до настоящего времени эта проблема в данном ракурсе не изучалась. Существовало мнение, что типологическая универсалия в этнонимии народов мира присуща только самоназваниям. Хотя М.В. Крюков и обратил внимание на явление противоположного характера, однако суть явления не была раскрыта, закономерности возникновения самонаименований и инонаименований не были изучены в достаточном объеме.

Результаты нашего научного поиска в этом направлении позволили определить особую специфику самонаименований и инонаименований в этнонимии. В противоположность явлению

позитивности и негативности в топонимии в этнонимии это явление в первую очередь связано с психосознательными ощущениями отдельного индивида и всего сообщества. В итоге было установлено, что явление позитивности и негативности присуще также и этнонимии, но здесь это явление обладает совершенно иной, ярко выраженной сложной спецификой. Позитивность здесь присуща самонаименованиям, а негативность – инонаименованиям. Явление связано с психосознательными ощущениями определенного индивида и коллектива, и оно рассматривается на уровне самосознания индивида и сообщества.

Теперь рассмотрим инонаименования и воздействие экстралингвистических факторов в процессе их образования. В основном это ситуативные или прецедентные наименования, данные тому или иному этническому сообществу со стороны другого этнического коллектива в связи с тем или иным экстраординарным случаем. В структуре инонаименований невозможно определить типичные этноморфемы, так как в этих случаях наблюдается экстралингвизм происхождения имени. Инонаименования даются со стороны соседних враждебных племен с целью унижить противника, но попытка носит ситуативный случайный характер, т.е. обидная кличка – это одномоментная импровизация недоброжелателей.

Ярким примером может служить этнический термин *Курама*. В XVIII веке на территории Чирчик-Ангренского междуречья (Узбекистан) в силу экстраординарной военно-политической ситуации в процессе слияния разнородного элемента рождается новый этнический организм². Окружение незамедлительно реагирует появлением инонаименования *Курама* – «скроенный из лоскутьев», т.е. «сброд», в котором уже заложена негативная семантика, возникшая из нежелания признать эту этническую группу как народ, что проявляется в уничижительной семантике имени *Курама*. Явление такого характера наблюдаем при возникновении многих инонаименований. К этому разряду имен также можно отнести: *таджик* – «хорасанские персы, или горный человек», *немец* – «немой», *калмак//калмык* – «оставшийся за пределами этноса», *халадж* – «оставшийся голодным», *карлук* – «оставшийся в снежном плену», *ногай* – якобы от монг. нохой – «собака, пёс» и др.

Таким образом, инонаименования возникают под влиянием экстралингвистических факторов. Негативная семантика инонаименований подпадает под вторую форму выражения типологической универсалии в этнонимии народов мира, а семантика самонаименований соответствует первой форме выражения типологической универсалии в этнонимии, т.е. этноним-самонаименование обладает позитивным значением «человек», «люди», а этноним-инонаименование обладает негативными значениями «чужой», «дикарь», «враг», «недруг», «варвар».

²Термин введен в оборот Ю.В. Бромлеем.

В.А. Никонов определил и описал явление позитивности и негативности в топонимии. По его мнению, позитивность в топонимии проявляется в соответствии семантики топонима с географической реалией, однако ученый напоминает о возможных техногенных изменениях среды и пишет: «Местность, которая вчера называлась *Верблюжьи колючки*, завтра станет *Долиной нефти*. Учитывая особенности явления, исследователь употребляет сочетание «относительная негативность». В.А. Никонов выявляет также специфику возникновения этнотопонимов и применяет термин в связи с частотностью этнических имен в качестве этнотопонимов не в среде собственного компактного обитания, а в среде пограничной с инородцами. Он пишет: «В такой насквозь русской области, как Владимирская, нет ни одного названия Русск-, а в автономных республиках Среднего Поволжья, где русские составляли меньшинство, многочисленны *Русские Тимяши*, *Русское Маматкозино*, *Русская Темирсянь*, *Русские Алгаши*» (21, 40).

Следует отметить, что процесс имеет широкое распространение и в тюркской этнонимии (этнотопонимии). К примеру, на территории Узбекистана мы зафиксировали 58 этнотопонимов (*Казакляр*, *Казак ауыл*, *Казак кала* и др.), возникших от этнического термина казах или с отмеченным компонентом в составе ойконимов (18, 107). Данное явление возникает под влиянием экстралингвистических факторов. Так, в начале XX столетия в силу внешних факторов возникает много этнотопонимов с компонентом казах. Процесс связан со сменой хозяйственной деятельности с кочевого на земледельческий, поэтому на территории Узбекистана населенные пункты, где испокон проживали казахи, стали именоваться от этого этнического термина. Закономерно то, что в чужеродном иноязычном окружении этническое происхождение жителей становилось единственным маркером номинации.

Таким образом, этноним в силу трансноминизации становится этнотопонимом. Трансформация этнонима в этнотопоним, т.е. трансноминизация возникает под воздействием экстралингвистических факторов. И это явление в этнонимии следует зафиксировать как закономерность номинации.

Наряду с перечисленными закономерностями следует отметить особую форму именования этнических организмов – биноминацию. До настоящего времени явление биноминации ученые отмечали только в топонимии, где наблюдали двойное именование географического объекта средствами разных языков. Например: *Суяб* – название исторического города в Джамбульской области Казахстана; *Куляб* – название озера в Таджикистане; *Сыгдаш* – ороним в Азербайджане. Разложение структуры показывает двусоставность этих имен и общность семантики составляющих частей: *Суяб* от тюркск. *су* «вода» и иранск. *об* «вода», т.е. «вода+вода»; *Куляб* от тюркск. *кул* «озеро» и иранск. *об* «вода», т.е. «вода+вода»; *Сыгдаш* от иранск. *сыг* «камень» и тюркск. *даш* «камень», т.е. «камень+камень».

В процессе изучения особенностей номинации этнонимов была впервые выявлена закономерность биноминации и в этнонимии. Однако в этом случае мы наблюдаем двойную номинацию средствами одного языка. К примеру, в тюркских языках с целью максимального усиления семантики этнических имен рождаются онимы, семантика которых предполагает значение «человек+человек»: *Хунқас, Абқас, Енқас, Аспан, Саббас, Динь-Линь, Найман, Қасен, Айн* и др. Следовательно, биноминация в этнонимии используется с целью максимального усиления семантики этнических имен.

При рассмотрении фактов биноминации в структуре этнонимов мы наблюдаем случаи фонетической трансформации, которые проявляются в виде фонетических протез, ассимиляции, диссимиляции, элизии и других подобных процессов. Этнонимы, возникшие путем двойной номинации, состоят из двух корней, фонеморфологическое строение которых представлено в таком виде: *Хунқас* (қ+ен+қ+ас), *Абқас* (аб+қ+ас), *Енқас* (ен+қ+ас), *Аспан* (ас+ен), *Саббас* (аб+ас), *Динь-Линь* (т+ен+л+ен), *Найман* (ен+м+ен), *Қасен* (қ+ас+ен), *Айас* (ай+ас), *Айны* (ай+ен) (19, 105-114).

Таким образом, в этнонимии определена закономерность биноминации. В этом случае с целью усиления семантики этнонима наблюдается двойная номинация средствами одного языка, т.е. повторяется типологически универсальная семантика этнонимов в форме «человек+человек».

III. Детальное рассмотрение проблем формирования и функционирования этнонимов позволило установить основную закономерность номинации – типологическую универсалию и выявить две существенные особенности, такие как позитивность и негативность семантики этнических имен, которые в отдельности представляют собой самостоятельные формы закономерности номинации этнонимов.

В дальнейшем стратегия исследования привела к констатации концептообразующих выводов: 1) этноним – факт языка и единица целостной этнонимической системы; 2) этнонимобразование подчиняется словообразовательным моделям того или иного языка. Данные концептообразующие выводы сформулированы в качестве закономерностей номинации этнонимов.

В процессе историко-лингвистического анализа этнонимов был выстроен алгоритм определения этноморфем, выражающих универсальную семантику этнических имен. Параллельное рассмотрение этнической и этнонимической системы в пантопохронии, а также скрупулезное изучение проблем типологической универсалии в этнонимике дало положительные результаты, которые достигнуты также в процессе интегрированного исследования лингвистического и экстралингвистического содержания этнических имен. Существенные дополнения внесены в описание явления рядности, позитивности, негативности, биноминации, трансонимизации в ономастике. Таким образом,

выявленные и описанные выше факты и явления дали нам возможность сформулировать следующие закономерности номинации этнических имен:

1) наличие этнической системы предполагает активное функционирование различных этнических имен в повседневном языковом общении;

2) этноним – факт языка и единица целостной этнонимической системы;

3) этнонимобразование подчиняется словообразовательным моделям того или иного языка;

4) типологически универсальная семантика этнонимов: «человек», «люди»;

5) этноморфемы **-аз**, **-ен**, **-ай** являются материальным языковым выражением типологически универсальной семантики «человек», «люди»;

6) типологическая универсалия в этнонимии имеет две формы выражения: самонаименования и инонаименования;

7) самонаименования обладают позитивной семантикой;

8) инонаименования обладают негативной семантикой;

9) инонаименования возникают в силу экстралингвистических факторов;

10) в этнонимии функционирует закономерность рядности;

11) в этнонимии функционирует закономерность биноминации;

12) этноним трансформируется в этнотопоним, процесс трансноминизации возникает под воздействием экстралингвистических факторов.

Таким образом, нами впервые описаны и сформулированы закономерности номинации этнонимов. В процессе историко-лингвистического анализа этнонимов был выстроен алгоритм определения этноморфем, выражающих универсальную семантику этнических имен. Параллельное рассмотрение этнической и этнонимической системы в пантопохронии, а также скрупулезное изучение проблем типологической универсалии в этнонимике дало положительные результаты, которые достигнуты также в процессе интегрированного исследования лингвистического и экстралингвистического содержания этнических имен. Существенные дополнения внесены в описание явления рядности, позитивности, негативности, биноминации, трансноминизации в ономастике. В результате имеем новые научные достижения на пути к этимологии и исконной семантике огромного массива этнических имен с затемненной историей происхождения и утерянной семантикой.

Использованная литература

1. Neumann I. Uses of the Other "The East" in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota, 1999. — 281 p.
2. Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т.1. — Алматы: Казахстанское краевое издательство, 1935. — 368 с.

3. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. — М.: Наука, 1979. — 273 с.
4. Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении этнонима «Кыргыз» // Советская этнография. — М.: Наука, 1964. № 2. — С. 16–21.
5. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. — 273 с.
6. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014. — 54 с.
7. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. — Л.: Изд. Академии наук СССР, 1934. — 236 с.
8. Воронин С.В. Основы фоносемантики. — Л.: ЛГУ, 1982. — 243 с. — URL: <https://web.archive.org/web/20080504180532/http://psycholing.narod.ru/voronin-2.html>
9. Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. — М.: Наука, 1970. — С. 112–118.
10. Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — М.: Типография Грачева, 1876. — 557 с.
11. Казакова Е.А. Теоретические подходы рассмотрения дуальности «своё– чужое» // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. – № 11 (340). Философия. Социология. Культурология. Вып. 32. — С. 120–125. —URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-rassmotreniya-dualnosti-svoyo-chuzhoe>
12. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. — М.: Наука, 1975. — 720 с.
13. Крюков М.В. «Люди», «Настоящие люди» (К проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Советская этнография. — М.: Наука, 1984. — С. 3–26.
14. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — М.: Наука, 1974. — 576 с.
15. Маковский М.М. Семиотика языческих культур (мифопоэтические этюды) // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 2002. №6. — С. 46–58.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. — М.:Гос. издат. полит. литературы, 1961. — 745 с.
17. Марр Н.Я. Избранные работы. Этно-глоттогония Восточной Европы. Т. V. — М.– Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — 666 с.
18. Мынбаев Н. Қазақ (казах) – скиталец или воин?– Алматы: Жебе, 2011. — 219 с.
19. Мынбаев Н. Этнос и этноним. Saarbrucken: Lap Lambert Academic Publishing, 2016. — 180 с.
20. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. — 514 с. — URL: <http://padaread.com/?book=182779&pg=3>
21. Никонов В.А. Введение в топонимику. — М.: Наука, 1965. — 184 с.

22. Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока // Этническая ономастика. — М.: Наука, 1984. — С. 30–72.
23. Попов А.И. Названия народов СССР. — Л.: Наука, 1973. — 170 с.
24. Стратанович Г.Г. Проблема скользящих этнонимов // Этнонимы. — М.: Наука, 1970. — С. 156–168.
25. Суперанская А.В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка / Имя нарицательное и собственное. — М.: Наука, 1978. — 206 с.
26. Тынышпаев М. История казахского народа. — Алматы: Казахский университет, 1993. — 224 с.
27. Чебоксаров Н. Н., И. А. Чебоксарова «Народы, расы, культуры» / под ред. Ю.В. Бромлея. М.: Наука, 1985. — 272 с. — URL: https://vk.com/wall-341621_295
28. Чеснов Я.В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы. — М.: Наука, 1970. — С. 38–46.
- Радлов В., Мелиоранский П. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Орхонские надписи. Кюль-тегин, Билги-каган, Тонюкук. — Семей, 2001.— 185 с

Источники

29. ДТС – Древнетюркский словарь / под ред. Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969.
30. ИЭС – Историко-этнографический справочник. «Народы мира» / под ред. Ю.В. Бромлея. М.: Советская энциклопедия, 1988.
31. Дамдинсүрэн Ц. Русско-монгольский словарь Орос-монгол толь. — Улан-Батор: Госиздат, 1982. — URL: <http://book.tr200.net/v.php?id=4306265>
32. Энциклопедический словарь «Женщина в мифах и легендах» / под ред. О.П. Валянской. М.: Главная редакция энциклопедий, 1992.
33. Энциклопедический словарь «Мифы народов мира» / под ред. С.А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1980.
34. Толковый словарь казахского языка. Т 3, — Алматы: Ғылым, 1978. — 735 с.

References

1. Neumann I., Uses of the Other *The East* in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota, 1999, 281 p.
2. Asfendiyarov S.D., *Istoriya Kazakhstana* (History of Kazakhstan, since ancient times), Vol. 1, Almaty: Kazakhstan regional Publishing house, 1935, 368 p.
3. Baskakov N.A., *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskikh yazykov* (Historical and Typological Morphology of the Turkic languages), Moscow, 1979. 273 p.
4. Baskakov N.A., *Sovetskaya etnografiya*, Moscow, 1964, No. 2, pp. 16–21.
5. Bromlei Yu.V., *Etnos i etnografiya* (Ethnos and Ethnography), Moscow, 1973, 273 p.
6. Varbot Zh.Zh., Zhuravlev A.F., *Kratkii ponyatiino-terminologicheskii spravochnik po etimologii i istoricheskoi leksikologii* (Brief conceptual and

- terminological reference book on etymology and historical lexicology), Moscow: Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 2014, 54 p.
7. Vladimirtsov B.Ya. *Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm* (Public Order of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism), Leningrad: Ed. Academy of Sciences of the USSR, 1934, 236 p.
 8. Voronin S.V., *Osnovy fonosemantiki* (Fundamentals of Phonosemantics), Leningrad: Leningrad State University, 1982, 243 p., available at: <https://web.archive.org/web/20080504180532/http://psycholing.narod.ru/voronin-2.html>
 9. Eremeev D.E. K., *Etonimy* (Ethnonyms), Moscow, 1970, pp. 112–118.
 10. Ilovaiskii D., *Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu* (Searchings about the Beginning of Russia. Instead of Introduction to Russian History), Moscow: Grachev's Printing House, 1876, 557 p.
 11. Kazakova E.A., *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2014. No.11 (340), pp. 120-125, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-rassmotreniya-dualnosti-svoyo-chuzhoe>
 12. Kondakov N.I., *Logicheskii slovar'-spravochnik* (Logical Dictionary-Reference Book), Moscow, 1975, 720 p.
 13. Kryukov M.V., *Sovetskaya etnografiya*, Moscow, 1984, pp. 3–26.
 14. Kuzeev R.G., *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* (Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition, History of Settlement), Moscow, 1974, 576 p.
 15. Makovskii M.M., *Voprosy yazykoznaniya*, Moscow, 2002, No. 6, pp. 46–58.
 16. Marks K., *Engels F. Soch. T. 21* (Essays, Volume 21), Moscow, 1961, 745 p.
 17. Marr N.Ya., *Izbrannye raboty. Etno-glottogoniya Vostochnoi Evropy* (Selected Works. Etno-glottogonia of Eastern Europe), vol. 5, Moscow, Leningrad: State Socio-Economical Publishing House, 1935, 666 p.
 18. Mynbaev N., *Kazak (kazakh) – skitalets ili voin?* (Kazakh – Kazakh - wanderer or warrior?), Almaty: Zhebe, 2011, 219 p.
 19. Mynbaev N., *Etnos i etnonim* (Ethnos and Ethnonym), Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2016, 180 p.
 20. Nikonov V. A., *Kratkii toponimicheskii slovar'* (Short toponymic dictionary), Moscow: Mysl, 1966, 514 p., available at: <http://paidaread.com/?book=182779&pg=3>
 21. Nikonov V.A., *Vvedenie v toponimiku* (Introduction to Toponymy), Moscow, 1965, 184 p.
 22. Nikonov V.A., *Etnicheskaya onomastika*, Moscow, 1984, pp. 30–72.
 23. Popov A.I., *Nazvaniya narodov SSSR* (Names of the Peoples of the USSR), Leningrad, 1973, 170 p.
 24. Stratanovich G.G., *Etonimy*, Moscow, 1970, pp. 156–168.
 25. Superanskaya A.V., *Imya naritsatel'noe i sobstvennoe* (The Common Name and proper Name), Moscow, 1978, 206 p.
 26. Tynyshpaev M., *Istoriya kazakhskogo naroda* (History of the Kazakh People), Almaty: Kazakh University, 1993, 224 p.

27. Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. *Narody, rasy, kul'tury* (Peoples, races, cultures), edited by Yu. V. Bromley, Moscow, 1985, 272 p., available at: https://vk.com/wall-341621_295

28. Chesnov Ya. V. O, *Etnonimy*, Moscow: Science, 1970. pp. 38–46.

Istochniki (Sources)

29. *DTS – Drevnetyurkskii slovar'* (Ancient Turkic Dictionary), ed. by D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbaka. Leningrad: Nauka, 1969.

30. *IES – Istoriko-etnograficheskii spravochnik. «Narody mira»* (Historical and Ethnographic Reference Book "Peoples of the world"), edited by Yu. V. Bromley. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1988.

31. *ES – Entsiklopedicheskii slovar' «Zhenshchina v mifakh i legendakh»* (Encyclopedic Dictionary "the Woman in the Myths and Legends"), ed. by O. P. Volynskoy, Moscow: Chief editorial office of encyclopedias, 1992.

32. *ES – Entsiklopedicheskii slovar' «Mify narodov mira»* (Encyclopedic dictionary "Myths of the peoples of the world") edited by S. A. Tokarev, Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980.

33. *Tolkovyi slovar' kazakhskogo yazyka. T 3.* (Explanatory Dictionary of the Kazakh Language, vol. 3.), Almaty: Gylym, 1978, 735 p.